

Вера
Тетрук

Пламен
...В...
Стране Мрака

Вера Петрук

Пламен в Стране Мрака

<https://litres.ru/74334744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пламен – великий маг, тиран и император – был убит во время казни собственной жены. Но боги даже мерзавцам дают второй шанс.

Чего у него теперь нет: ни власти, ни магии. Зато есть сильное тело вместо слабого, а еще обуза в виде толпы выживших стариков, женщин и детей, повисших у него на шее. Пока Пламен переселялся в новое тело, старый мир рухнул, погрузившись в агонию апокалипсиса. Теперь единственная цель – выжить.

Предания говорят о безопасном месте, но путь туда лежит через Страну Мрака, где обитают старые боги. И пропускать через свои земли те никого не намерены.

Туда идут и другие выжившие: короли-колдуны с остатками армий, вампиры, оборотни и прочая нечисть, против которой человеку без магии не выстоять.

Вдобавок среди «своих» затаился предатель, готовый вонзить нож в спину за право быть главным в новом мире.

А еще в толпе беженцев к раю идет бывшая жена Пламена. И у нее на руках ребенок, который, возможно, является его сыном.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Вера Петрук

Пламен в Стране Мрака

Глава 1

У Пламена намечался тяжелый день.

В его животе скрутилась ядовитая змея, в голове гремел гром, а во рту стоял кислый привкус отчаяния и жалости к самому себе. Даже руки подрагивали при мысли о том, что ему предстояло сделать. А ведь обычно на людях он изображал истукана – чтобы сильнее боялись.

Император Золотого Сиона, Пламен Раух Третий, сидел на белокаменном троне в Карательной башне своего дворца и чувствовал себя... гнидой. Редкое ощущение для того, кто владел большей частью ойкумены, прогрыз путь к власти зубами и управлял великом Эосом.

Его любимая жена Дарси, Нежный Цветок Долины Ручьев, висела перед ним на цепях, ее язык распух от жажды и не помещался во рту, глаза потухли, а молочно-белая кожа посерела после недели голодного заточения в Чернильной Яме. Другие шесть жен тоже были тут, болтались в кандалах под потолком и выглядели не лучше, но они его не интересовали. Значение имела только Дарси и ее жестокие слова, которые она бросила ему в лицо, когда еще могла говорить.

«Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Казалось, что Дарси была с ним всю жизнь. Пять лет назад войско молодого Пламена подошло к границам последних повстанческих рубежей на юге Императорского архипелага, и поражение мятежников было неизбежно. Битвы отгремели, противник уполз на брюхе, волоча за собой собственные кишки. Пламен не собирался щадить никого, но вождь оказался прозорливым и прислал ему своих дочерей в качестве примирения и извинения. Первых двух император Сиона даже не заметил, но вот Дарси...

Она оказалась стрелой, застрявшей в его сердце. Пламен, может, и проявил наивность, поверив в показную любовь черноглазой красавицы, но жить собирался долго и предпочел вырвать застрявшую стрелу вместе с сердцем. Зачем оно ему теперь было надо?

Пламен обвел тяжелым взглядом собравшихся. Жрецы, генералы, военные и торговые советники, управляющие его дворцами и поместьями, главные евнухи, казначеи и ученые тотчас склонили головы. На другой стороне зала чуть с опозданием склонилась родня – тетки, дядя, племянницы и племянники и кто-то там еще, кого он и в лучшие свои настроения не мог вспомнить. А сейчас – пропади они все пропадом.

Величаво колыхнулось пламя в огромных чашах-жаровнях, едва согревающих тронный зал императорского дворца. Подушка на сиденье трона уже не спасала его тощий зад от холода и твердости камня. Зад тощий, а брюхо отъел. Пла-

мен давно не смотрелся в зеркало, но видеть собственные коленки стало трудно. Вернуться бы в кровать с одеялом из лебяжьего пуха, зарыться лицом в мягкие сиськи Дарси и ни о чем не думать. Но, кажется, все это осталось в прошлой жизни, Пламен же до конца дней обречен натирать мозоль о твердокаменный трон, будь он проклят.

В распахнутые створки высоких окон хлестал холодный дождь, отражающий мрачное настроение императора. Дождь лил не по своей воле, а по воле Пламена. Пусть всем будет плохо, не только ему.

С того года, как умер Отец-Император, и началась грызня за власть, минуло пять лет. И хотя от врагов, ставших на его пути к трону, не осталось и праха, Пламен знал, что все эти высокородные о нем думали. Какая несправедливость судьбы! Великий Эос достался калеке! Из всех потомков и наследников Императора-Солнца, а их насчитывалось не меньше двух десятков, пульс жизни и дыхание бога, Эос, выбрал именно его, Пламена, четвертого сына, калеку-недоростка с такими короткими ногами, что ему приходилось пользоваться тростью, чтобы подняться с кровати. В молодости он умудрялся бегать на своих двоих, но, отъевшись, предпочитал, чтобы его носили рабы.

«Пусть ненавидят, лишь бы боялись», – так сказал ему отец на смертном ложе, и Пламен запомнил.

Никто не хотел смотреть в глаза Владыке Эоса. А стоило. За пять лет на императорском троне он вывел страну из

застарелого кризиса, в четыре раза увеличил границы Империи и превратил в своих вассалов правителей всех соседних островов. Корабли Золотого Сиона переплыли восточный океан – Чашу Терпения, и наладили торговые связи с далеким Чагарским Ханством на востоке. В последующие годы Пламен собирался захватить ханство и через его территорию продвинуться дальше на север и восток – к новым землям, к далекой Сангассии, о которой знал от своей главной жрицы Селесты, говорящей с духами. На юге и западе пока искать было нечего. Чашу Зла и Чашу Справедливости не сумел переплыть ни один корабль, как, впрочем, и вернуться обратно в Золотой Сион.

Со временем Пламен намеревался стать гегемоном мира, ведь он мог все. Почти все.

Когда пробудился Эос Пламена, на островах огромного архипелага прекратились губительные ливни и сменяющая их засуха, а тайфуны и цунами, навещающие Сион каждый месяц, забыли сюда дорогу. Эос Пламена Третьего стоял на страже благополучия Империи, служив гарантом ее могущества.

Однажды вскипятив кровь короля-вампира из Грота, который вздумал поднять мятеж, Пламен нажил врага в лице его сына – Янтара, которому тем не менее позволил занять трон, а также напомнил всем остальным вассалам о том, что их ждет в случае неповиновения.

Пламен упивался властью, не особо думая о том, что аб-

солютная власть, к которой он так стремился, обычно ничем хорошим не заканчивалась.

Правители стран-вассалов обязаны были лично являться ко двору Пламена и согласовывать с ним свои намерения – как во внешней, так и во внутренней политике. Никаких послов и дипломатов. Сегодня как раз был такой приемный день, который Пламен в душе ненавидел, хотя в первые годы ему и льстило, что короли регулярно преклоняли перед ним колени. Налоги, подати и другие взносы, которые платили вассалы, для него были вторичным удовольствием. Болезненное самолюбие Пламена требовало регулярной похвалы и внимания.

Так совпало, что сразу четверем крупнейшим вассалам что-то от него понадобилось. Именно в этот день, когда Пламену было ни до чего в мире вообще. И ни до кого. Вассалы явились во дворец все сразу, хотя обычно предпочитали одиночные аудиенции. Знали, что Пламен любит поиздеваться над проигравшими и предпочитали унижаться без свидетелей.

Сначала он собирался всех послать, но Руантира, Небесная Мать, главная жрица Церкви Душегуба, и по совместительству его собственная горячо любимая мать, уговорила сына принять высоких просителей, а к ее словам Пламен прислушивался.

Больше всего ему хотелось вернуться в кровать под теплое одеяло и не выбираться оттуда, пока поднявшаяся из

Солнечной Реки вода не достигнет его окна на пятом этаже спальни башни. Утопить некогда обожаемый Сион в ливне вполне было в силах Пламена. Сейчас ему казалось, что виноваты не только Дарси и заговорщики, но и все горожане вместе с королями-вассалами, которые, конечно, были заняты своими делами и просто подвернулись под горячую руку.

Пусть смотрят, решил Пламен и заявил, что примет вассалов в Карательной башне дворца. Выслушать, что им надо, и скорее перейти к разборкам с Дарси: на этом его терпение и силы закончатся. А заодно он согнал в зал всю свиту, имеющую отношение к управлению Империей. И родню, естественно. Этих Пламен запугивал регулярно, но, похоже, без особого результата.

И вот теперь три подчиненных ему правителя и одна принцесса молча таращились на висящую под потолком красавицу – его женщину, бывшую. Последний раз они видели ее, сидящую с ним в обнимку, но любопытство сдерживали. Интересно было наблюдать, как те, кто сами привыкли внушать страх, взирали на Дарси под потолком и Пламена на троне с опаской.

Дело в том, что правители вассальных стран людьми не являлись.

Они были мавари, нечистой. Селеста, старая нянька Пламена и его личная духовная жрица, больше всего любила рассказывать ему о мавари. Иной раз Пламен подозревал старуху в том, что она сама была в родстве с нечистой, но предпо-

читал слушать ее байки, чем напрягать глаза над историческими фолиантами. Впрочем, читать Пламен любил больше, чем казнить, но жизнь о его предпочтениях не спрашивала.

И такие, как Пламен – их, кстати, называли эосами, и такие, как мавари, являлись дальними потомками древних, которые населяли мир до появления людей. Однажды случился конец света, мир изменился, и древние погибли, не сумев приспособиться к новым условиям. Те немногие древние, что пережили катастрофу, все равно были обречены, потому что не могли дышать новым воздухом мира. Пытаясь измениться, они стали изучать людей, которые появились после конца старого света, и проводить над ними опыты. В результате появились люди с необычными способностями, такие, как мавари и эосы. Сами древние все равно умерли – одни раньше, другие позже, а вот их подопытные выжили. Одни остались на землях архипелага, другие разбрелись по миру. Людьми они уже не являлись, но сила древних в них осталась.

Так рассказывала Селеста. Пламен никогда особо не интересовался историей, но ему было приятно думать, что он происходит от древних. Ту часть сказаний, где говорилось, что древние ставили на людях опыты, он обычно пропускал. Не нравилось ему быть подопытным, а вот то, что он эос, а не мавари, Пламен всячески подчеркивал.

Может, Селеста и травила байки, обкурившись дурман-травами, но факт заключался в том, что правитель ост-

рова Грота, Принц Грез Янтар по прозвищу Кровавый, был вампиром, а король Ревимор с острова Эльвагар славился умением оборачиваться – в кого угодно и во что угодно.

Сейчас оба они стояли потупившись, изображая скромняшек. Зная цену обоим, Пламен в их показное смирение не верил. С улыбочивым и обаятельным кровососом Янтаром Кровавым Пламен в свое время заключил договор, запрещающий вампирам пить кровь подданных Сиона. А так как остров Золотого Сиона был самым крупным и густонаселенным во всем архипелаге, вампиры привыкли таскать жертв с его восточных окраин, которые соседствовали с Гротом.

Пламен положил этому конец, повелев вампирам Грота питаться кровью животных. Недовольства вспыхнули и погасли, потому что примерно в то же время Пламен устроил показательную «порку» всем мавари. Вампиры, конечно, не успокоились, но людей Пламена красть перестали, перейдя на подданных других королевств Архипелага.

А вот король Герлен Гародский Первый с острова Гарод, что лежал на северо-востоке от Золотого Сиона, не был ни вампиром, ни оборотнем, но за исключительно скверный характер, садизм и нежную любовь к черной магии, вполне заслуженно назывался мавари, хотя рожден был человеком. Гародской мечтал о бессмертии, истязал и собственное тело, и всех, кто попадался ему в лапы, в общем, был зверем во плоти даже большим, чем оборотень Ревимор.

Что до Ревери, принцессы из Астарота, то она и вовсе бы-

ла выходцем из мортов, земли которых лежали где-то на юге. Морты, проклятые некроманты, культисты смерти, грязные колдуны – как только их не называли. Пламен не сомневался, что, если бы не Рус-Тхан, череда постоянно извергающихся вулканов посреди Чаши Зла, ему пришлось бы иметь дело с Растерзателем, Императором мортов, считающимся самым могущественным черным колдуном мира.

И первое, что сделал Пламен, когда в нем пробудился Эос, так это поддал жару в буквальном смысле в каждый вулкан островов Рус-Тхана. И теперь они служили естественной защитой его империи от таких неприятных соседей, как Растерзатель.

Впоследствии Пламен собирался разобраться и с ним, но для этого могущество его Эоса должно было подрасти. Пламен чувствовал, как сила растет с каждым годом, но, чтобы потягаться с императором мортов, который, по слухам, являлся одним из выживших древних богов, нужно было достичь максимальных умений. И Пламен к этому стремился, вот только его постоянно отвлекали.

Что до принцессы мортов – Ревери Эльберет Гвинариэль с Астарота, то она была первой ласточкой, которая успела проникнуть на архипелаг, до того как взорвался Рус-Тхан и закрыл ей обратную дорогу к мортам. По крайней мере, так принцесса сама говорила, убеждая Пламена, что сейчас она сама по себе, а страна ее – свободное королевство, которое склоняет голову только перед владыкой Эоса. Сам Пламен

подозревал, что связь с Растерзателем некромантка все-таки поддерживала, от того ее недолюбливал.

Из всех его вассалов Ревери Черная была самой непредсказуемой. По его мнению, у принцессы с Астарота имелось только одно преимущество – ее внешность, ибо все морты были красивы. Но, с тех пор как у Пламена появилась Дарси, другие женщины интересоваться его перестали. Теперь же он и не знал, что о женщинах, вообще, думать. Пропади они все пропадом.

Пламен горестно вздохнул и поманил к себе Гулраса, старшего визиря. Обладая телосложением и ростом великана, Гулрас умел удивительно легко двигаться, и вот секунду спустя его черная длинная борода – предмет особой гордости визиря, повисла рядом с гладко выбритой щекой Пламена. Расплатой за Эос то было, а может, наградой, но ни усы, ни борода у Пламена не росли, хотя с шевелюрой все было в порядке. В очередной раз напомнив себе издать указ, запрещающий придворным отпускать длинные бороды – чтобы не выделялись, Пламен прошептал Гулрасу на ухо:

– Ступай к тем нечистым и узнай, что им всем понадобится. Потом мне расскажешь.

Это было если не нарушением, то явным отступлением от правил, ведь вассалы явились за личной аудиенцией и рассчитывали на прямой разговор с императором Сиона. Но Пламен на то и был Пламеном, что менял правила по своему желанию. Сегодня же ему особенно хотелось вывести како-

го-нибудь мавари на эмоции. Только дайте мне повод, говорили глаза Пламена, и я разнесу любого из вас на клочки. Просто потому, что у меня сегодня отвратительное настроение.

Уже все вассалы поняли, что они выбрали неправильный день, однако никто из них не развернулся и не ушел прочь. То ли гордость совсем растеряли, то ли что-то у них было к нему, действительно, важное. Настолько весомое, что даже издевательское поведение Пламена не имело значения.

Когда визирь Гулрас шел к мавари, те уже знали, о чем распорядился Пламен. Слухач из оборотня Ревимора был отличный, да и у принца вампиров рожа вытянулась. Она у него и так длинная была, а с удивленным выражением лица стала и вовсе комичной. Впрочем, Пламену все равно было не до смеха.

– Они просят дозволения отправить корабли к Вресту, – с поклоном доложил Гулрас, вернувшись. – Исключительно в научных и культурных целях.

– Кто именно хочет? – не понял Пламен.

– Все, владыка. Причем, просят, чтобы разрешили кому-то одному. Мол, остальные не имеют права.

– А что им там надо? – поморщился император, уже пожалевший, что согласился принять вассалов. У этих мавари вечно были какие-то подковерные войны.

Гулрас достал книжку, где делал пометки во время разговоров, и зачитал:

– Принц Янтар утверждает, что в лесах Вреста захоронены его предки, погибшие триста лет назад во время колонизации севера. Он хочет эксгумировать тела и захоронить их на острове Грот. Просит на операцию два месяца. Король Герлена Гародского интересуется новый вид птиц, замеченный на Вресте. По его мнению, именно их не хватает в новой формуле бессмертия, которую вывели его алхимики. Говорит, что отловит птиц за неделю, но вампиры и другие могут ему помешать. Кстати, принц Янтар аргументирует тем же.

– Что за чушь? – не выдержал Пламен. – Предки Янтара были вампирами, и их благополучно сожгли. Какие захоронения? А Герлену ни птицы, ни жабы, ни черви жизнь не продлят. И почему они сами с такими нелепыми просьбами явились? Это ж явно дело обычных послов.

Визирь перелистнул страницу и невозмутимо продолжил:

– Король Ревимор узнал, что принц Янтар намерен проводить раскопки на острове и хочет этому воспрепятствовать. По словам Ревимора, его предки первоначально обитали именно на Вресте, позже переселившись на север в Эльвагар. Это они убили предков принца Янтара, когда те вторглись на Врест. Если принц Янтар начнет раскопки в поисках тел своих предков, он повредит древние кладбища, принадлежащие роду Ревимора, а король Эльвагара этого допустить не может. Соответственно, он просит вас принцу Янтару отказать, а ему разрешить высадку на остров на месяц. Ревимор хочет восстановить старые кладбища и поставить новые

памятники на погостах.

Пламен с трудом подавил зевок, хотя еще минут десять назад сна не было ни в одном глазу. С мавари он всегда утомлялся.

– Дай догадаюсь, – хмыкнул он. – Принцесса из Астарота нашла на землях Вреста какие-нибудь грибы, которые помогут поднять прах ее давно умершей тетушки.

– Нет, владыка, – сухо ответил Гулрас, не имевший чувства юмора. – Она намерена породниться с сыном князя Вреста, с которым до этого встречалась у себя дома в Астароте. Собирается нанести ответный визит, а также посмотреть остров, который может стать ее новым домом. Просит вас отказать другим просителям. Мол, на острове есть хозяин – князь Мертидот. Ревимор и Янтар могут попросить его навести порядок на захоронениях, а Герлен может купить у князя Мертидота птиц, если так надо.

– Вот хитрюга, – присвистнул Пламен. Недаром эта Ревери Черная ему с первого взгляда не понравилась.

Все-таки интересно, что же им всем на острове на самом деле понадобилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.